

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕЙ ЧИСЛЕННОСТИ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ И МАСШТАБАХ ИХ СМЕРТНОСТИ (1941-1945 гг.)

© 2013 В.Н. Земсков

Институт российской истории РАН, г. Москва

Поступила в редакцию 25.11.2012

В статье на основе максимального приближения к показаниям (подчас спорным и противоречивым) известных к настоящему времени исторической науке документальных источников предпринята попытка установить общую численность советских военнопленных в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., а также соотношение умерших и выживших в плену. Особое место в статье занимает аргументированная критика существующих в отечественной и немецкой литературе версий относительно этой статистики с раскрытием причин их недостоверности.

Ключевые слова: военнопленные, плен, лагерь, оценка, подсчеты, статистика, источник, масштаб, гибель, смертность, захоронения, гуманитарное преступление.

Различным аспектам истории Великой Отечественной войны посвящена обширнейшая литература. И тем не менее есть вопросы, по которым далеко не все ясно. К таковым относится и поднятая нами проблема. Имеются публикации, непосредственно посвященные истории советских военнопленных¹, но вопрос об их общей численности и масштабах смертности остается открытым. На этот счет в литературе и публицистике и по сей день бытуют самые разнообразные оценки. Имеет место неприемлемая в науке практика, когда прямые показания исторических источников игнорируются, а взамен них преподносятся собственные домыслы и сомнительные «расчеты».

Мы не претендуем на изучение проблемы плена в широком смысле. Нас интересует только статистика (общая численность советских военнопленных и масштабы их смертности). И разобраться в этом мы намерены посредством максимального приближения к показаниям (подчас спорным и противоречивым) известных к настоящему времени исторической науке документальных источников. Имеющиеся в литературе интуитивные оценки нами не брались в расчет, а использовались только величины (цифры), которые подкреплены ссылками на документы.

Сам факт бытования в литературе самых разнообразных оценок численности советских военнопленных несколько странен, так как еще с конца 1950-х гг. она известна по немецким документам – с начала войны и до 1 февраля 1945 г. было взято в немецкий плен более 5,7 млн. (точнее – 5754 тыс.)². Эту информацию выявил в немецких архивах американский историк А. Даллин и опубликовал в своей монографии «Германское правление в России. 1941–1945», вы-

шедшей в 1957 г. на английском языке (в 1958 г. – на немецком языке). В СССР А. Даллин был немедленно причислен к «буржуазным фальсификаторам», и введенная им в научный оборот статистика (не оценочная, а документально подтвержденная) не использовалась в научных трудах вплоть до конца советской эпохи (во многих случаях и в постсоветское время – видимо, по инерции). В зарубежной же историографии, наоборот, эта статистика активно использовалась, выдержала проверку временем и по сей день котируется как наиболее достоверная.

Вызывает удивление, что в литературе и публицистике довольно часто встречаются оценки, значительно ниже указанной величины (обычно в диапазоне от 4,0 млн. до 5,2 млн.). Ведь в данной ситуации корректировка возможна только в сторону увеличения исходя из предположения, что, возможно, в этой немецкой статистике имел место быть какой-то недоучет. Корректировка же в сторону понижения совершенно исключена. Сам А. Даллин допускал, что выявленная им статистика, возможно, неполная, и снабдил ее соответствующей ремаркой³.

Указанная величина (5,75 млн.) слагалась из 3,35 млн., взятых в плен в 1941 г., и 2,4 млн. – в период с 1 января 1942 г. по 1 февраля 1945 г. И здесь налицо недоучет в данных за 1941 г. – не хватает 0,45 млн. пленных. Ибо по состоянию на 11 декабря 1941 г., согласно сводке донесений немецких воинских частей, численность советских военнопленных составляла 3,8 млн.⁴ Затем из этой статистики таинственно «исчезли» 0,45 млн. человек (3,8 млн. – 3,35 млн.). Нас несколько не удовлетворяют объяснения об «уточнении» статистики. Дело гораздо серьезнее. 3,8 млн. – это число пленных по донесениям воинских частей, а 3,35 млн. – соответствующие данные лагерной

Земсков Виктор Николаевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник. E-mail: nokia6401@yandex.ru

статистики. Получается, что 0,45 млн. пленных в 1941 г. не довели живыми до лагерей (они погибли в промежуток времени от момента пленения до момента поступления в лагерь).

Есть на этот счет и соответствующие свидетельства. Объясняя на Нюрнбергском процессе причины массового вымирания советских военнопленных, захваченных под Вязьмой в октябре 1941 г., подсудимый генерал-полковник А. Йодль заявил: «Окруженные русские армии оказывали фанатическое сопротивление, несмотря на то, что последние 8-10 дней были лишены какого-либо снабжения. Они питались буквально корой и корнями деревьев, так как отошли в непроходимые лесные массивы, и попали в плен уже в таком истощении, когда они были едва ли в состоянии передвигаться. Было просто невозможно их везти... Поблизости не было мест для их размещения... Очень скоро начались дожди, а позднее наступили холода. В этом и была причина, почему большая часть людей, взятых в плен под Вязьмой, умерли»⁵.

Это свидетельство А. Йодля весьма примечательно. Оно подтверждает факт массовой смертности пленных в районах пленения до поступления в лагерь. Поэтому произведенное немцами снижение числа взятых в плен в 1941 г. советских военнослужащих почти на 0,5 млн. (с 3,8 млн. до 3,35 млн.) и соответственно всей статистики за всю войну с 6,2 млн. до 5,75 млн. являлось не просто «уточнением статистики». Это было «списание» почти 0,5 млн. пленных, умерших в промежуток времени от момента пленения до момента регистрации в лагерях, и в немецкой лагерной статистике они, естественно, не учтены.

Любопытное исследование провели И.А. Дугас и Ф.Я. Черон – авторы изданной в 1994 г. в Париже книги на русском языке «Вычеркнутые из памяти: Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным». Они установили, что в начале 1942 г. было «скорректировано» в сторону понижения (с 3,8 млн. до 3,35 млн.) только итоговое количество попавших в 1941 г. в немецкий плен советских военнослужащих, а первичные данные (донесения воинских частей) остались без изменений и при их суммировании дают именно 3800 тыс. человек⁶.

На Нюрнбергском процессе (20 ноября 1945 – 1 октября 1946) советская сторона представила документ из аппарата рейхсминистра оккупированных восточных территорий А. Розенберга (это была справка на имя Г. Геринга, датированная 1 февраля 1942 г., но сведения в ней давались по состоянию на 10 января 1942 г.), в котором говорилось об общем числе советских военнопленных и называлась цифра в 3,9 млн., из них имелись в наличии только 1,1 млн.⁷ О «недоста-

ющих» 2,8 млн. в справке ничего не говорилось, но из других немецких источников нам доподлинно известно, что общее количество умерших советских военнопленных к середине января 1942 г. перевалило за отметку в 2 млн.⁸ – и это только умершие в лагерях, без учета свыше 400 тыс. пленных, погибших еще до поступления в лагерь. Освобожденных и бежавших из плена максимально могло быть 0,4 млн. И в итоге ситуация к 10 января 1942 г. со статистикой советских военнопленных получается такая: всего взято в плен – 3,9 млн., из них умерло – 2,4 млн., находилось в наличии – 1,1 млн., освобождено и бежало – 0,4 млн.

Кроме указанной справки на имя Геринга историкам известен еще один источник – сводка донесений немецких штабов. Там тоже по состоянию на 10 января 1942 г. названо общее число советских военнопленных – 3,9 млн.⁹ Затем эти величины (3,8 млн. – на 11 декабря 1941 г., 3,9 млн. – на 10 января 1942 г.) исчезают из немецкой статистики и появляются «уточненные» 3,35 млн. за 1941 г. Как это произошло и при каких обстоятельствах, исследователям выяснить не удалось. Но тут надо иметь в виду, что нацисты, при их амбициозности и тщеславии, не могли просто так пойти на аферу с уменьшением численности советских военнопленных, т.е. принизить собственные «успехи» в пленении войск противника. Они явно чего-то опасались и, образно говоря, заматали следы. Возможно, прав немецкий (западногерманский) историк К. Штрайт в своем подозрении, что природа «статистического изъяна» кроется в желании скрыть «грубейшие нарушения» от Международного Красного Креста, представители которого время от времени допускались для обследования положения военнопленных¹⁰.

Российский исследователь П.М. Полян, автор дважды издававшейся (в 1996 и 2002 гг.) монографии «Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в третьем рейхе и их репатриация», говоря об «уточнении» немецкой статистики за 1941 г. посредством снижения общего числа советских пленных с 3,8 млн. до 3,35 млн., высказал неприемлемое, на наш взгляд, предположение: «Вместе с тем не вполне ясно, учтены ли в этих цифрах военнопленные, отпущенные на свободу»¹¹. По документам известно, что в период с июля по ноябрь 1941 г. немцы отпустили почти 320 тыс. советских пленных (точнее – 318,8 тыс.)¹². Однако последние не имеют никакого отношения к «исключенным из статистики». Из анализа содержащегося в монографиях А. Даллина и К. Штрайта обильного статистического материала с детальным указанием «убыли» («умерло», «казнено», «освобождено»,

«бежало» и т.д.) освобожденные в течение всей войны неотъемлемой составной частью входили в сводную «уточненную» немецкую статистику общей численности советских военнопленных. Это значит, что они (освобожденные) в статистике за 1941 г. входили в «уточненные» 3,35 млн., а в «списанных» 0,45 млн. их нет.

В период с 1 января 1942 г. по 1 февраля 1945 г., согласно немецким документам, в немецкий плен попало 2,4 млн. советских военнослужащих. Если сюда прибавить 3,8 млн. пленных 1941 г., то их общее число составляет не 5,75 млн., а 6,2 млн. Это состояние до 1 февраля 1945 г., и надо иметь в виду, что какое-то количество (вероятно, незначительное) попало в плен в феврале-апреле 1945 г.

Но ведь существовал еще финский и румынский плен. По финскому плену за 1941-1944 гг. имеется точная статистика – 64188 человек¹³. Статистики такого же характера по румынскому плену нет, а имеющиеся в литературе оценки (на наш взгляд, вполне приемлемые) варьируются обычно в пределах от 40 тыс. до 45 тыс. человек¹⁴. Советские военнослужащие, взятые в плен венгерскими, итальянскими и словацкими войсками, передавались немцам и учтены в немецкой статистике. Следовательно, общая численность советских военнопленных (суммарно по немецкому, финскому и румынскому плену) составляла порядка 6,3 млн. человек.

В отечественной историографии наиболее авторитетным источником по этому вопросу считается подготовленный коллективом военных историков под общей редакцией Г.Ф. Кривошеева и изданный в 1993 г. статистический сборник «Гриф секретности снят». Это издание готовилось под эгидой Генштаба и Минобороны с определенной претензией на директивность. В нем в графе «Пропало без вести, попало в плен» указана цифра – 4559 тыс. человек¹⁵. Имеется и пояснение: «Всего в плену находилось 4059 тыс. советских военнослужащих, а около 500 тыс. погибло в боях, хотя по донесениям фронтов они были учтены как пропавшие без вести»¹⁶. Есть и еще одно пояснение: «Кроме того, в начальный период войны было захвачено противником около 500 тыс. военнообязанных, призванных по мобилизации, но не зачисленных в войска»¹⁷. Отметим, что вся эта статистика – расчетная.

Перед нами статистика совсем иного масштаба, нежели немецкая. По расчетам Г.Ф. Кривошеева и его коллег, максимально могло попасть в плен не более 4,2-4,3 млн. военнослужащих (с учетом захваченных противником военнообязанных, призванных по мобилизации, но не зачисленных в штаты воинских частей). Общая численность советских военнопленных получается

почти на 2 млн. меньше, чем это было на самом деле. Понимая, что их расчеты резко расходятся с показаниями немецких источников, авторы книги «Гриф секретности снят» предприняли попытку опровергнуть немецкую статистику, приводя доводы, что противник якобы «завышал» число пленных, включал туда находившихся при войсках партийных и советских работников, гражданских лиц (мужчин) и т.п.¹⁸ Мы согласны, что такая практика имела место, но и соответствующая корректировка радикально не меняет положения – немецкая и «кривошеевская» статистики остаются разномасштабными. Приведенные в книге «Гриф секретности снят» расчеты мы вынуждены признать недостоверными, существенно искажающими реальную картину.

В своей негативной оценке данной «статистики» мы далеко не одиноки. Это – общее мнение всех ведущих специалистов, занимающихся разработкой этой проблемы. Так, П.М. Полян обращает внимание на недостоверность этих «расчетов» и, не без юмора и сарказма назвав их «альтернативными результатами», далее констатирует, что «говорить о корректном сравнении» с немецкими данными «было бы преждевременно»¹⁹. П.М. Полян недвусмысленно дал понять, что подобного рода «расчеты» не могут всерьез восприниматься в научном историческом сообществе.

Определением общего числа попавших в плен военнослужащих занималась также Комиссия при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий во главе с А.Н. Яковлевым («комиссия А.Н. Яковлева»). По ее данным, за все время войны попало в плен 4,07 млн. военнослужащих²⁰. Эти сведения еще более сомнительные, нежели те, что насчитали авторы сборника «Гриф секретности снят». В отличие от противника, считавшего пленных по головам (в прямом смысле), члены «комиссии А.Н. Яковлева», понятно, были лишены такой возможности и пользовались какой-то другой «методикой» подсчета, суть которой не раскрыли. Немецкую статистику они проигнорировали и «изобретали» альтернативную статистику – заведомо недостоверную. Реально «комиссия А.Н. Яковлева» могла опираться на какие-то данные о пропавших без вести (за 1941-1943 гг. – явно неполные), а уже из них умозрительно вычислять попавших в плен. Она представила рассчитанную ею динамику попадания в плен по годам войны (в книге «Гриф секретности снят» этого нет), и это позволило сопоставить ее с имеющейся в немецких источниках соответствующей динамикой (см. таблицу 1).

При сопоставлении указанных в таблице 1 данных бросается в глаза их вопиющая неадекватность. Ясно, что одна из этих статистик (не-

Таблица 1. Динамика попадания в немецкий плен советских военнослужащих по годам (по немецким источникам и данным «Комиссии А.Н. Яковлева»)*

Годы	По немецким источникам	По данным «Комиссии А.Н. Яковлева»	Насколько больше (+) или меньше (-)
Всего в том числе:	6,2 млн.**	4,07 млн.	- 2,13 млн.
1941	3,8 млн.**	почти 2 млн.	- 1,8 млн.
1942	1653 тыс.	1339 тыс.	- 314 тыс.
1943	585 тыс.	487 тыс.	- 98 тыс.
1944	147 тыс.	203 тыс.	+ 56 тыс.
1945	34 тыс.***	40,6 тыс.	+ 6,4 тыс.

* Dallin A. Deutsche Herrschaft in Russland 1941–1945: Eine Studie über Besatzungspolitik. Düsseldorf, 1958. S.440; Судьбы военнопленных и депортированных граждан СССР: Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996. №2. С.92.

** В немецких данных за 1941 г. приводятся не «уточненные» 3,35 млн., а то количество (3,8 млн.), которое зафиксировано в сводке немецких воинских частей. Соответственно этому и общее число советских военнопленных за всю войну составляет не 5,75 млн., а 6,2 млн.

*** Немецкие данные за 1945 г. доведены только до 1 февраля.

мецкая) близка к истине, а другая – явно «халтурная». В статистике «Комиссии А.Н. Яковлева» на редкость нелепо выглядит взятая «с потолка» и чрезмерно заниженная численность попавших в плен в 1941 г. (почти 2 млн. человек). Это противоречит показаниям всего комплекса имеющихся источников. Неадекватность данных за 1942-1943 гг. проявляется в значительно меньшей степени, нежели за 1941 г. Форменный сюрприз преподнесла «яковлевская» комиссия при исчислении попавших в плен в 1944 г. – она насчитала на 56 тыс. человек больше, чем немцы на самом деле взяли в плен. Такое невозможно себе представить.

В некоторой степени указанная неадекватность объясняется разницей в определении понятия «военнопленные». Противник трактовал это понятие значительно шире, а не ограничивался только военнослужащими. Немцы включали в военнопленных довольно большой перечень категорий лиц: во-первых, личный состав спецформирований различных гражданских ведомств (путей сообщения, морского и речного флотов, оборонного строительства, гражданской авиации, связи и т.д.); во-вторых, личный состав незавершенных формирований народного ополчения; в-третьих, личный состав отрядов самообороны городов и местной противовоздушной обороны; в-четвертых, личный состав истребительных отрядов; в-пятых, личный состав милиции; в-шестых, часть партизан и подпольщиков, а также партийных и советских работников; в-седьмых, часть гражданских лиц, мужчин, в которых противник подозревал переодетых красноармейцев; в-восьмых, больные и раненые военнослужащие в госпиталях, которые ранее в донесениях со-

ветских воинских частей были учтены как санитарные потери²¹.

Подавляющее большинство перечисленных категорий лиц – это, как правило, вооруженные люди, совместно с военнослужащими участвовавшие в боевых действиях. Мы в корне не согласны с трактовкой авторов книги «Гриф секретности снят», что противник неправомерно включал их в военнопленные и за счет этого «завышал» их число. Спрашивается: а куда противник должен был включать захваченных вооруженных врагов? Естественно, в военнопленные, ибо эти люди, не будучи военнослужащими, тем не менее имели на руках оружие, которое было направлено против противника.

Но дело даже не в этом. Несмотря на внушительный перечень категорий этих «неправомерно включенных» (по версии Г.Ф. Кривошеева), их удельный вес в составе военнопленных был относительно незначительным (едва ли более 5%). Поэтому даже с учетом этой корректировки несоответствие (разномасштабность) между немецкой и отечественной («кривошеевской» и «яковлевской») статистикой отнюдь не устраняется, так как подавляющее большинство военнопленных составляли именно военнослужащие.

Главная же причина указанной разномасштабности статистик кроется в другом, а именно: в сборнике «Гриф секретности снят» действительное количество пропавших без вести занижено примерно на 30%. Их было не 4559 тыс., а по крайней мере на 2 млн. больше, и мы это можем доказать, оперируя статистическими показателями данного сборника. Там сказано, что за годы войны из вооруженных сил убыло по различным причинам в общей сложности 21,7 млн. человек²². Далее следует подробное перечисле-

ние составляющих этой убыли с указанием их численности (упомянутые 4559 тыс. там присутствуют), но в сумме получается не 21,7 млн., а 19,45 млн.²³ Не хватает 2,25 млн. человек (21,7 млн. – 19,45 млн.). Составители сборника видели эту нестыковку в статистике и отнесли «недостающую убыль» к отчисленным из армии и флота по политической неблагонадежности (включая лиц ряда национальностей, семьи которых насильственно выселялись в восточные районы СССР), а также «значительному количеству неразысканных дезертиров»²⁴.

Мы согласны сделать скидку величиной порядка 250 тыс. человек на отчисленных «по политической неблагонадежности» (хотя на самом деле их, возможно, было меньше), а остальная «недостающая убыль» (2 млн. человек) однозначно, без всяких оговорок, относится к категории пропавших без вести. Из этого следует, что в графе убыли под названием «Пропало без вести, попало в плен» должно быть не 4559 тыс., а свыше 6,5 млн. (4559 тыс. + 2 млн.).

После этого многое из ранее необъяснимого становится вполне объяснимым, а главное, немецкая и отечественная статистики из разномастных сразу же превратились в одномастные. Подавляющее большинство из этих более 6,5 млн., безусловно, попало в плен, хотя какая-то их часть, конечно же, пропала без вести по каким-то иным причинам. В свете этого, с учетом указанного выше расширительного толкования противником понятия «военнопленные», установленное нами общее количество советских военнопленных (6,3 млн.) из ранее опровергаемого отечественной статистикой (в лице сомнительных цифр в книге «Гриф секретности снят») превратилось в укладывающееся в ее рамки.

Можно считать установленным, что к февралю 1942 г. уже не было в живых более 2,4 млн. советских военнопленных. В дальнейшем масштабы смертности весьма заметно снизились – с февраля 1942 г. и до конца войны умерли, по нашим расчетам, еще около 1,5 млн. Это являлось следствием изменения подхода германского руководства к данной проблеме, и оно, изменение подхода, проистекало отнюдь не из гуманистических побуждений, а из сугубо прагматических соображений – до этого (до февраля 1942 г.) большие массы советских военнопленных воспринимались как ненужный балласт, от которого надо избавляться (понятно, как избавлялись), а теперь стали смотреть как на источник рабочей силы. Претерпела разительные перемены динамика ежемесячной смертности. Если в первые семь с лишним месяцев войны (по январь 1942 г. включительно) в среднем в месяц умирало порядка 340-350 тыс. советских военнопленных,

то в последующие 39 месяцев (февраль 1942 – апрель 1945) – 35-40 тыс.

Рассмотрим, в какой степени результаты нашего исследования о масштабах смертности советских военнопленных согласуются с выводами наиболее авторитетных специалистов в этой области. К. Штрайт, лично обработавший и изучивший огромный массив немецкой документации, пришел к выводу, что в немецком плену умерло 3,3 млн. советских военнопленных, из них около 2 млн. – до февраля 1942 г.²⁵ При этом Штрайт допускал, что какая-то часть из почти 0,5 млн. «исключенных из статистики» за 1941 г. военнопленных в действительности погибла, но не решился включить их в общую статистику смертности. Напротив, А. Даллин был уверен, что эти «исключенные из статистики» – это в основном погибшие на этапах пленения и транспортировки в лагеря, и полагал, что общее число умерших советских военнопленных составляло 3,7 млн.²⁶ Что касается И.А. Дугаса и Ф.Я. Черона, то они выразили согласие с выводами А. Даллина²⁷.

Таким образом, в зарубежной научной литературе оценка смертности советских военнопленных в 3,7 млн. человек представляется наиболее убедительной и приемлемой. Именно такое количество умерло в плену (подчеркиваем: в плену). Установленное же нами количество (3,9 млн.) включает в себя все без исключения категории военнопленных, в том числе погибших коллаборационистов (ориентировочно 0,2 млн.), сражавшихся в рядах немецкой армии, армии Власова и прочих изменнических (воинских и полицейских) формированиях.

Посмотрим теперь, как оценивает масштабы смертности советских военнопленных коллектив военных историков во главе с Г.Ф. Кривошеевым. На страницах их книги «Гриф секретности снят» на этот счет немало странного и загадочного. Так, читаем: «673 тыс., по немецким данным, умерли в фашистском плену (на самом деле немецкие данные совсем другие. – В.З.). Из оставшихся 1110,3 тыс. чел. по нашим данным больше половины составляют тоже умершие (погибшие) в плену»²⁸. Затем эти две непонятные цифры (673 тыс. и 1110,3 тыс.) складываются, и получается еще более непонятная величина в 1783,3 тыс. человек, которая в виде итоговой цифры помещена в рубрике «Не вернулось из плена (погибло, умерло, эмигрировало в другие страны)»²⁹. В результате этих более чем странных арифметических манипуляций реальные масштабы смертности советских военнопленных были «подсокращены» более чем на 2 млн. человек. Это – редкостный образец «статистической алхимии». Понятно,

что «статистикой» подобного рода нельзя пользоваться в научной, преподавательской и пропагандистской работе.

В 2001 г. вышло второе издание книги «Гриф секретности снят» под названием «Россия и СССР в войнах XX века» (руководитель – тот же Г.Ф. Кривошеев). В ней эта нелепая цифра (1783,3 тыс.) прямо не упоминается, но она, к сожалению, использовалась авторами в расчетах принципиального характера, что делает результаты этих расчетов неправильными. Именно эта заведомо недостоверная цифра составляет разницу (по расчетам Г.Ф. Кривошеева и его коллег) между демографическими потерями военнослужащих (8668,4 тыс.) и боевыми и небоевыми потерями советских вооруженных сил убитыми и умершими (6885,1 тыс.)³⁰. Арифметика здесь простая: 8668,4 тыс. – 6885,1 тыс. = 1783,3 тыс. Можно произвести и другое арифметическое действие: 6885,1 тыс. + 1783,3 тыс. = 8668,4 тыс. Как не считай, все равно всплывает этот «статистический суррогат» (1783,3 тыс.). Мы поясняем, что две другие цифры (8668,4 тыс. и 6885,1 тыс.) различаются тем, что первая из них учитывает погибших в плену, а вторая – нет. И тут становится ясно, что рассчитанный «кривошеевским» коллективом масштаб демографических потерь военнослужащих за время войны (8668,4 тыс.), воспринимаемый многими исследователями как вполне достоверный, на самом деле таковым не является и нуждается в коренном пересмотре.

Справедливости ради надо сказать, что далеко не все российские военные историки неукоснительно следуют статистическим установкам Г.Ф. Кривошеева и его коллег. Так, военный историк Н.П. Дембицкий в статье «Судьба пленных», опубликованной в 2004 г., сделал следующий вывод: «Сопоставление различных документов позволяет сделать вывод, что всего советских военнопленных было не менее 5 млн. человек, из которых свыше 3 млн. погибли»³¹. Это можно принять как допустимую точку зрения, не выходящую за рамки здравого смысла. Другой военный историк, В.А. Пронько, в опубликованной тогда же статье «Цена победы», совершенно проигнорировав «кривошеевские» расчеты, целиком оперировал наиболее ходовой в западной историографии статистикой: всего советских военнопленных было 5,7 млн., из числа которых «от голода и болезней умерли либо были расстреляны около 3300 тысяч человек»³². Из этих цифр совершенно правильно определяется число выживших (2,4 млн.), а вот общее количество военнопленных и масштабы их смертности занижены на 0,6 млн.

Повторяем, всего советских военнопленных

было порядка 6,3 млн., из них около 3,9 млн. погибло и умерло и не менее 2,4 млн. осталось в живых. Эта статистика уже введена в научный оборот. Например, именно она указана в соответствующем томе фундаментального научного труда «Население России в XX веке»³³.

Существует представление, что советские военнопленные вымирали в основном от голода, истощения, болезней и т.д., а их уничтожение посредством расстрелов и повешений хотя и имело место, но якобы занимало относительно незначительный удельный вес. Это совсем не так. По нашим расчетам и оценкам, количество расстрелянных, повешенных и убитых при попытке к бегству в общем числе умерших советских военнопленных составляло около 1,5 млн. Правда, по данным Управления по делам военнопленных Верховного главнокомандования вермахта, таковых якобы было 1030157 человек³⁴, но это, безусловно, заниженная статистика – во-первых, она доведена только до 1 мая 1944 г. и, во-вторых, в ней не учтены «исключенные из статистики» за 1941 г., а это ведь в основном расстрелянные и убитые при попытке к бегству.

Известно, что часть военнопленных содержалась в лагерях на оккупированной территории СССР, другая часть – в Германии и других европейских странах (подвластных и союзных ей). По данным К. Штрайта, до 1 мая 1944 г. в рейхе перебивало 3,1 млн. советских военнопленных³⁵. Эти данные, безусловно, достоверные. К ним надо добавить как минимум 200 тыс. человек (это, во-первых, взятые в плен в период с мая 1944 г. по апрель 1945 г. и, во-вторых, содержавшиеся в плену в Финляндии, Румынии и на территории других стран). Следовательно, из 6,3 млн. военнопленных за пределами СССР содержалось не менее 3,3 млн.

С достаточно высокой степенью достоверности можно утверждать, что из числа военнопленных, содержавшихся в Германии и других странах, осталось в живых около 1,7 млн. (это суммарная численность репатриантов и «невозвращенцев»). Поскольку они находились за пределами СССР, то представляли из себя живую демографическую потерю. Исправить такое положение можно было только посредством их массовой репатриации. В октябре 1944 г. было образовано Управление Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации во главе с генерал-полковником Ф.И. Голиковым, которое занималось возвращением на родину не только военнопленных, но и всех так называемых «перемещенных лиц». К середине 1947 г. ведомству Ф.И. Голикова удалось вернуть в СССР из Германии и других стран 1549,7 тыс. советских военнопленных³⁶. Порядка 150 тыс.

военнопленных по тем или иным причинам не вернулось (эта величина оценочная, максимально допустимая; возможна ее корректировка в сторону понижения).

В литературе нередко ошибочно называется другое количество репатриированных военнопленных – 1836,0 тыс. Эта цифра фигурирует в книге «Гриф секретности снят» в рубрике «Вернулось из плена по окончании войны (по данным органов репатриации)»³⁷. Но дело в том, что органы репатриации включили в свою статистику 286,3 тыс. военнопленных, освобожденных из плена в 1944 – начале 1945 г. в ходе наступления Красной Армии на советской территории, и они составной частью входят в число выживших военнопленных на оккупированной территории СССР (об этом см. ниже). Репатриированных же военнопленных, по состоянию на середину 1947 г., было именно 1549,7 тыс. (1836,0 тыс. – 286,3 тыс.). По состоянию на 1 марта 1946 г. (на тот момент ведомством Ф.И. Голикова было зафиксировано 1539475 репатриированных советских военнопленных), распределение их по странам, откуда они прибыли, выглядело следующим образом: из Германии – 1064039 человек, из Франции – 85409, Австрии – 84820, Норвегии – 77812, Италии – 44205, Финляндии – 42778, Румынии – 28799, Англии – 21900, Югославии – 11370, Польши – 9950, Бельгии – 7352, Чехословакии – 6423, Швейцарии – 6060, Дании – 4635, США – 3823, Швеции – 2156, Греции – 1288, Албании – 805, Венгрии – 698, Болгарии – 643, Голландии – 74 человека и на 34436 репатриированных военнопленных в источнике не было указаний на то, из каких именно стран они поступили³⁸.

Поскольку за пределами СССР из 3,3 млн. военнопленных остались в живых около 1,7 млн., то количество погибших и умерших составляет порядка 1,6 млн. (3,3 млн. – 1,7 млн.). И теперь посмотрим, в какой степени наши расчеты согласуются с имеющимися историческими источниками. Согласно К. Штрайту, до 1 мая 1944 г. на территории рейха умерли 1,1 млн. советских военнопленных³⁹. У нас нет оснований сомневаться в достоверности этой информации. Однако эти данные на 1 мая 1944 г., а война-то продолжалась еще целый год, и какое-то количество (какое именно – никто не знает) умерло именно в этот период. Думается, не будет большой ошибкой, если мы определим количество умерших советских военнопленных на территории тогдашней Германии (рейха) в период с мая 1944 г. по май 1945 г. величиной порядка 200 тыс. О смертности советских военнопленных в финском плену в 1941-1944 гг. имеется точная статистика – 19016 человек⁴⁰. Аналогичной статистики по румынскому плену нет – предположитель-

но там умерло около 10 тыс. советских пленных. Десятки тысяч советских военнопленных нашли свою кончину в других странах Европы – места их захоронений выявлены во Франции, Бельгии, Голландии, Норвегии, Польше (той ее части, которая не входила в состав рейха), Югославии, Венгрии и др. Количество этих мест захоронений исчисляется многими сотнями. Советские органы репатриации располагали в 1952 г. информацией, что только в Норвегии находится 217 таких мест захоронений⁴¹. Погибшие коллаборационисты из числа бывших военнопленных тоже входят в общую статистику военнопленных, не доживших до конца войны. На наш взгляд, определяемое нами количество умерших за пределами СССР советских военнопленных (около 1,6 млн.) выглядит достаточно обоснованным.

Определив, что на оккупированной территории СССР содержалось примерно 3,0 млн. советских военнопленных (6,3 млн. – 3,3 млн.), попробуем вычислить количество выживших. Многие десятки тысяч сумели бежать (мы полагаем, что их было скорее более 100 тыс., чем менее). Как уже отмечалось, немцы с июля по ноябрь 1941 г. отпустили из плена 318,8 тыс. человек – прибалтов, немцев, украинцев, белорусов. В ноябре 1941 г. оккупанты прикрыли подобную «благотворительность» в отношении украинцев и белорусов, но сохранили ее в отношении прибалтов и немцев. В 1942-1944 гг. освобождение из плена производилось лишь при обязательном условии поступления на военную или полицейскую службу. За три года (с середины 1941 по середину 1944) общее число освобожденных и бежавших из плена на оккупированной территории СССР составляло никак не менее 0,5 млн. Однако мы не можем их всех включить в число выживших, так как какая-то их часть, безусловно, погибла уже после освобождения или побега из плена. Еще 286,3 тыс. военнопленных было освобождено Красной Армией на советской территории в 1944 – начале 1945 г.⁴² С учетом всего вышеизложенного мы определяем общее количество оставшихся в живых военнопленных на территории СССР, подвергавшейся оккупации, величиной примерно в 0,7 млн. человек. Число же погибших и умерших составляет около 2,3 млн. (3,0 млн. – 0,7 млн.).

В таблице 2 представлены результаты нашего исследования по определению масштабов смертности советских военнопленных (и количества выживших) как в целом, так и отдельно по тем из них, кто содержался на оккупированной территории СССР, а кто – в Германии и других странах.

Таким образом, можно считать установленным, что, учитывая все имеющиеся данные и факторы, общее число советских военноплен-

Таблица 2. Соотношение умерших и выживших советских военнопленных (млн. чел.)

	Всего	В том числе	
		На оккупированной территории СССР	В Германии и других странах
Всего	6,3	3,0	3,3
из них:			
погибло и умерло	3,9	2,3	1,6
осталось в живых	2,4	0,7	1,7

ных, погибших и умерших на оккупированной территории СССР, определяется величиной примерно в 2,3 млн. человек. И здесь мы сталкиваемся с еще одной статистической загадкой. На Нюрнбергском процессе советская сторона располагала информацией, что будто бы лишь на оккупированной территории СССР было убито и замучено 3,9 млн. советских военнопленных. При этом подразумевалось, что, поскольку речь идет только о соответствующих жертвах на оккупированной территории СССР, то их общее число (с учетом неизвестного количества погибших в Германии и других странах) намного больше. В советских газетах эта цифра до конца 1960-х гг. вообще не называлась и только в 1969 г. «всплыла» в одном из номеров газеты «Правда» в статье бывшего главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе Р.А. Руденко⁴³. В 1970-е – 80-е гг. эти 3,9 млн. (и обязательно с ремаркой: «на оккупированной территории СССР») появлялись иногда на страницах отдельных научных трудов; в частности, в вышедшем в 1973 г. 10-м томе «Истории СССР с древнейших времен до наших дней»⁴⁴. В изданной в 1985 г. энциклопедии «Великая Отечественная война» сказано: «Немецко-фашистские захватчики лишь на оккупированной территории СССР уничтожили 3,9 млн. советских военнопленных»⁴⁵.

Естественно, возникает резонный вопрос о происхождении этой загадочной статистики. Выясняется, что это данные действовавшей с конца 1942 г. Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (сокращенно – ЧГК). Она насчитала свыше 3,9 млн. (точнее – 3932256) убитых и замученных военнопленных на территории СССР, подвергавшейся вражеской оккупации. По регионам оккупированной территории СССР, согласно данным ЧГК, этот показатель распределялся так: РСФСР – 1125605, Украина – 1366588, Белоруссия – 810091, Карело-Финская ССР – 3600, Эстония – 64000, Латвия – 330032, Литва – 229737 и Молдавия – 2603⁴⁶.

Ясно, что эти данные завышенные и нуждаются в существенной корректировке в сторону понижения. Следует воздерживаться от навешивания на них ярлыков «фальсифицированных»

и т.п., поскольку статистика ЧГК была получена в результате кропотливой поисковой работы. Это – исторический источник, требующий серьезного критического анализа и осмысления. Оккупированная территория СССР была покрыта густой сетью лагерей военнопленных, смертность в которых (особенно в зиму 1941/42 г.) носила поистине чудовищные масштабы. Так, 14 декабря 1941 г. А. Розенберг докладывал Гитлеру, что в лагерях на Украине «в результате истощения ежедневно умирает до 2500 пленных»⁴⁷. Имеются свидетельства, что во многих из этих лагерей содержались не только военнопленные, но и немало гражданских лиц. Так, бывший начальник отдела по делам военнопленных Данцигского военного округа генерал-лейтенант К. фон Остеррейх в своих показаниях, данных 28 декабря 1945 г., отметил, что в подчиненных ему лагерях на Украине одновременно с военнопленными в отдельных бараках содержались под арестом до 20 тыс. советских граждан, взятых в качестве заложников из ряда районов, охваченных партизанским движением⁴⁸.

Похоже, многие захоронения, выявленные комиссиями ЧГК в местах расположения бывших лагерей военнопленных, являлись общими братскими могилами и для военнопленных, и для гражданских лиц (пленных партизан, заложников, партизанских семей и др.). Не исключено, что в них покоится и какая-то часть жертв Холокоста (известно, что на оккупированной территории СССР нацисты уничтожили не менее 2,8 млн. евреев). Местные комиссии ЧГК, возможно, относили к погибшим военнопленным все сосчитанные ими останки из захоронений в местах бывших лагерей для военнопленных. Однако только за счет этого не могло образоваться столь значительное завышение соответствующей статистики. В работе комиссий ЧГК широко практиковался также опрос свидетелей, и тут уже вступал в силу субъективный фактор, и в ряде свидетельских показаний могло присутствовать сильное преувеличение.

Собственно, эти данные ЧГК были единственной статистической информацией о советских военнопленных, которой располагала советская историческая наука. Не было ясности в вопросах об их общей численности, масштабах

смертности в лагерях в Германии и других странах и количестве оставшихся в живых. Хотя еще с 1960-х гг. нам было известно, что западные историки обычно оперируют величиной в 5,7 млн. человек как общим числом попавших в плен советских военнослужащих. Было понятно, что многие сотни тысяч военнопленных погибли в лагерях за пределами СССР, но и многие сотни тысяч выжили. Наши личные представления в тот период (до конца 1980-х гг.) выглядели примерно так: всего попало в плен – 5,7 млн., из них умерло на оккупированной территории СССР – 3,9 млн. (в этой цифре тогда нельзя было сомневаться, иначе это было бы «крамолой»), 1 млн. – умерло в лагерях в Германии и других странах и 0,8 млн. – осталось в живых.

В 1989 г. и последующие годы, при работе с документами из ранее засекреченных архивных фондов, а также со ставшими доступными исследованиями зарубежных авторов, наши прежние представления, естественно, претерпели существенные изменения. Подлинным сюрпризом (приятным) для нас оказался тот факт, что выживших военнопленных было по крайней мере в три раза больше, чем мы ранее представляли (не 0,8 млн., а 2,4 млн.). Второй приятный сюрприз: содержащиеся в передачах «Голоса Америки», «Би-Би-Си» и «Немецкой волны» во времена «холодной войны» утверждения об ужасной участи бывших военнопленных в Советском Союзе на поверку оказались сильно преувеличенными. Третий сюрприз такого же рода – умерших оказалось на 1 млн. меньше (не 4,9 млн., в чем мы были уверены все 1970-е – 80-е гг., а 3,9 млн.).

Гибель советских военнопленных в таком огромном количестве – это чудовищное гуманитарное преступление, уступающее по своим масштабам только Холокосту (уничтожению нацистами 6 млн. евреев). Результаты нашего исследования подтвердили, что советская сторона на Нюрнбергском процессе располагала в принципе верной статистической информацией об умерщвлении нацистскими преступниками 3,9 млн. советских военнопленных. В уточнении нуждается только формулировка: надо убрать оговорку «на оккупированной территории СССР» или же ее оставить и добавить к ней «и на территории Германии и других стран». С учетом этой смысловой корректировки, масштаб гибели советских военнопленных (3,9 млн.) является совершенно правильным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Датнер Ш.* Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных / Пер. с польск. М., 1963; *Назаревич Р.* Советские военнопленные в Польше

в годы Второй мировой войны и помощь им со стороны польского населения // Вопросы истории. 1989. № 3; *Семиряга М.И.* Судьбы советских военнопленных // Вопросы истории. 1995. №4; и др.

² *Dallin A.* Deutsche Herrschaft in Russland 1941-1945: Eine Studie über Besatzungspolitik. Düsseldorf, 1958. S.440.

³ Там же.

⁴ *Штрайм К.* Солдатами их не считать: Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 годах / Пер. с нем. М., 1979. С.99; *Дугас И.А., Черон Ф.Я.* Вычеркнутые из памяти: Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным. Париж, 1994. С. 399; *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в третьем рейхе и их репатриация. М., 1996. С.65, 71.

⁵ Цит. по: Всероссийская Книга Памяти. 1941-1945: Обзорный том. М., 1995. С.260.

⁶ *Дугас И.А., Черон Ф.Я.* Вычеркнутые из памяти. С.399.

⁷ Война и общество. 1941-1945 / Отв. редактор Г.Н. Севостьянов. М., 2004. С.234.

⁸ *Streit C.* Keine Kameraden: Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941-1945. Bonn, 1991. S.244-246.

⁹ *Schustereit H.* Vabanque: Hitlers Angriff und die Sowietunion 1941. Herford; Bonn, 1988. S.69.

¹⁰ *Streit C.* Keine Kameraden. S.128-130.

¹¹ *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур. 1996. С.71.

¹² Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / Под общей редакцией Г.Ф. Кривошеева. М., 1993. С.334.

¹³ *Дугас И.А., Черон Ф.Я.* Вычеркнутые из памяти. С.59.

¹⁴ *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур. 1996. С.66-67.

¹⁵ Гриф секретности снят. С.140.

¹⁶ Там же. С.338.

¹⁷ Там же. С.140.

¹⁸ Там же. С.336-337.

¹⁹ *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур. 1996. С.66.

²⁰ Судьбы военнопленных и депортированных граждан СССР: Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996. №2. С.92.

²¹ Гриф секретности снят. С.338-339.

²² Там же. С.139.

²³ Там же. С.140.

²⁴ Там же. С.140-141.

²⁵ *Streit C.* Keine Kameraden. S.244-246.

²⁶ *Dallin A.* Deutsche Herrschaft in Russland. S.440.

²⁷ *Дугас И.А., Черон Ф.Я.* Вычеркнутые из памяти. С.399.

²⁸ Гриф секретности снят. С.338.

²⁹ Там же. С.131.

³⁰ Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование / Под общей редакцией Г.Ф. Кривошеева. М., 2001. С.237.

³¹ *Дембицкий Н.П.* Судьба пленных // Война и общество. 1941-1945. М., 2004. Кн.2. С.236.

³² *Пронько В.А.* Цена Победы // Война и общество. 1941-1945. М., 2004. Кн.2. С.392.

³³ Население России в XX веке: Исторические очерки. Т.2. 1940-1959 / Отв. редакторы: Ю.А. Поляков, В.Б. Жиромская. М., 2001. С.144.

³⁴ Всероссийская Книга Памяти. 1941-1945: Обзорный том. Изд.2-е, доп. и испр. М., 2005. С.261.

³⁵ *Streit C.* Keine Kameraden. S.244.

³⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.9526. Оп.3. Д.54. Л.53; Д.55. Л.135.

³⁷ Гриф секретности снят. С.131.

³⁸ ГАРФ. Ф.9526. Оп.3. Д.53. Л.175.

³⁹ *Streit C.* Keine Kameraden. S.244-245.

⁴⁰ *Дугас И.А., Черон Ф.Я.* Вычеркнутые из памяти. С.59.

⁴¹ ГАРФ. Ф.9526. Оп.4а. Д.7. Л.125-126.

⁴² Там же. Д.1. Л.62, 223, 226.

⁴³ Руденко Р.А. Забвению не подлежит // Правда. 1969. 24 марта. С.4.

⁴⁴ История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1973. Т.10. С.390.

⁴⁵ Великая Отечественная война. 1941-1945: Энциклопедия.

М., 1985. С.157.

⁴⁶ Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. М., 1976. С.369.

⁴⁷ Streit C. Keine Kameraden. S.259.

⁴⁸ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сборник материалов. М., 1958. Т.3. С.130.

TO THE QUESTION ABOUT THE TOTAL NUMBER OF SOVIET PRISONERS OF WAR AND THE EXTENT OF THEIR SCOPE MORTALITY (1941-1945)

© 2013 V.N. Zemskov

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow

The article attempts to establish the total quantity of soviet Prisoners of War (PsW), the ratio of the died and the survived prisoners during the period of Great Patriotic War 1941

– 1945 on the basis of maximum approach to the data (often dubious and controversial) from the documentary sources known to the modern historical science. Special attention is paid to reasoned criticism of the versions existing in the domestic and German literature, regarding the a.m. statistics; the author reveals the causes of their inauthenticity.

Key words: prisoners of war, captivity, camp, assessment, calculations, statistics, source, scale, death, death-rate, burials, humanitarian crime.